

Н. К. Онипенко
Институт русского языка им В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
onipenko_n@mail.ru

ОБ ОСНОВАНИЯХ КЛАССИФИКАЦИИ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ*

В статье рассматриваются типы конструктивной обусловленности синтаксических единиц, сопоставляются разные подходы к проблеме отношения языковой единицы и контекста. Конструктивная обусловленность понимается как результат взаимодействия формы (структуры), семантики и синтаксической функции. Обусловленными синтаксемами признаются такие, семантика которых зависит от их синтаксической функции. В отличие от синтаксических падежей, маркирующих синтаксические функции независимо от семантики существительного и семантики предложения, обусловленные синтаксеммы реализуют свою семантику в составе моделей с определенным типовым значением. Форма косвенного падежа интерпретируется не в качестве маркера зависимости, но как средство организации обязательного компонента предикативной синтаксической конструкции. В статье рассматриваются субстантивные синтаксеммы «до+Род. п.» с модально-событийным (*до шуток / не до шуток; до разговоров / не до разговоров: не до сна*), модально-делиберативным (*не до людей, не до книг, не до искусства*), модально-оценочным (*не до вежливости, не до гордости, не до справедливости*) значениями и синтаксические конструкции, компонентами которых являются синтаксеммы «до+Род.п.». Предлагается сравнительный анализ близких по структуре и семантике предложений, выявляются семантические признаки, указывающие на связь семантики синтаксеммы с уровнем предложения: модальность, отрицание, наличие/отсутствие контроля, моно-/полисубъектность, степень категоричности высказывания.

Ключевые слова: русский языка, функциональный синтаксис, коммуникативная грамматика, синтаксеммы, функция, синтаксическая позиция, классификация синтаксических единиц

Для классификации синтаксических единиц наиболее важным является решение вопроса об отношении синтаксиса и семантики. Разделение семантики

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 18-012-00263).

и синтаксиса как разных аспектов языковой единицы является следствием жестко аналитического, вербоцентрического подхода к русскому языку. Такой подход предлагает «описание мира в терминах причин и их следствий», требует изолированного представления языковых уровней и противопоставляет синтаксис семантике.

Однако для русистики традиционным является иной подход — целостный, «синтетический» взгляд на описываемый объект. А. П. Чудаков, характеризуя основные черты научного метода В. В. Виноградова, в качестве седьмой черты указывал «редкое и давно утраченное гуманитарным знанием свойство — видеть всё только в связи со всем» [Чудаков 1995: 14].

«Целостность», «синтетизм» соответствуют общему взгляду на мир, заложенному в русской языковой системе. А. Вежицкая пишет об этом так: «Синтаксическая типология языков мира говорит о том, что существует два разных способа смотреть на действительный мир, относительно которых могут быть распределены все естественные языки. Первый подход — это по преимуществу описание мира в терминах причин и их следствий; второй подход дает более субъективную, более импрессионистическую, более феноменологическую картину мира. Из европейских языков русский, по-видимому, дальше других продвинулся по феноменологическому пути» [Вежицкая 1996: 73].

Сегодня аналитический вербоцентрический подход уступил место грамматике конструкций [Лингвистика конструкций 2010], которая исходит из семантико-синтаксической цельности конструкции, признает возможность безглагольных предложений и уделяет значительное внимание именованным конструкциям.

Для русистики признание семантической целостности конструкции и связь лексической семантикой с синтаксисом также не является новым направлением. Связь лексического значения и условий употребления слова учитывал В. В. Виноградов при классификации лексических значений. В. В. Виноградов предложил различать свободные номинативные, фразеологически связанные, функционально-синтаксически ограниченные и конструктивно-обусловленные значения [Виноградов (1953) 1977]. По Виноградову, возможны два направления синтаксической зависимости лексического значения: зависимость на уровне членов предложения и на уровне словосочетания (когда лексическое значение зависит от присловных распространителей лексической единицы, в другой терминологии — от набора семантических валентностей).

Д. Н. Шмелев в книге «Проблемы семантического анализа лексики» [Шмелев 1973], обсуждая отношения семантической структуры слова и его синтагматических (сочетаемостных) возможностей, рассматривал разные типы синтаксических конструкций, в том числе безглагольные конструкции, в которых «значение вполне определенного действия создается <...> лексико-синтаксической организацией самой конструкции (*я бегом на станцию; шофер — ни слова; слезы градом по ее лицу*)» [Шмелев 2008: 101–102]. Тем самым признается тот факт, что в рамках синтаксической конструкции лексическая семантика и синтаксис находятся в тесном взаимодействии, что для осмысления именованных компонентов важна не только их

зависимость от глагола, но и их функционирование в составе определенной конструкции.

Необходимость соединения синтаксиса и семантики при классификации синтаксических единиц отстаивает в своих трудах Г. А. Золотова. Так, в «Синтаксическом словаре» [Золотова 1988] системное описание минимальных синтаксических единиц (синтаксем) основывается на трех параметрах: морфологической форме, лексической семантике и синтаксических функциях в составе предложения и текста. Г. А. Золотова, используя понятия изосемии, структурно-семантической модификации и синтаксического поля предложения, предложила системное описание моделей русского предложения. В этом описании модели предложений с именными предикатами оказываются не менее значимыми, чем глагольные предложения. «Синтаксический словарь» Г. А. Золотовой стал весомым вкладом русской синтаксической науки в падежную грамматику — особое направление в современной лингвистике, основным объектом которого является категория падежа. Если Ч. Филлмор (который терминологически обозначил это направление) шел от падежной грамматики к грамматике конструкций, то Г. А. Золотова соединила системное описание субстантивных синтаксем с системным описанием типов синтаксических связей и классификацией моделей русского предложения (т.е. классификацией конструкций).

Сегодня уже не надо доказывать, что категория падежа тесно связана с лингвистикой конструкций: это отражается и в системном описании падежей, и в функционально-семантической интерпретации падежных словоформ.

Изучая падеж в плане семантики, грамматисты ставили перед собой разные задачи: определить отношения между планом выражения и планом содержания падежных словоформ, найти инвариантное значение того или иного падежа или установить связи между разными значениями одного падежа, выявить системообразующие признаки падежей (О возможностях разных подходов см. [Филлмор (1968) 1985]). А. Вежбицкая, обсуждая проблемы описания падежной семантики, говорила о четырех теориях падежа, которые она разграничила следующим образом: «(1) падежи имеют значения, но они многозначны; большинство падежей имеет много значений, которые, однако, нельзя четко отделить друг от друга (Б. Г. Г. Дельбрюк, А. А. Потеня); (2) падежи имеют значения, но этих значений немного; значения падежей могут быть четко разграничены (А. В. де Гроот, Э. Бенвенист); (3) падежи имеют значения, но они не многозначны (Р. Якобсон, Э. Гарсия); (4) падежи не имеют значений, «падежная маркировка» чисто поверхностное явление (Ч. Филлмор)». Сама А. Вежбицкая предлагает пятую теорию, в которой количество падежных значений большое (значения связаны, но при описании могут быть разграничены), это количество зависит от количества конструкций, включающих тот или иной падеж; каждое значение «может и должно быть представлено в точной и проверяемой формуле, которая обладает полной предсказующей силой; и эти формулы <...> следует строить на основе самодостаточных семантических первоэлементов (semantic primitives)» [Вежбицкая (1980) 1985: 303–342]. Теория падежей, предложенная А. Вежбицкой, содержит интерпретацию

падежных значений (например, творительного в русском языке) посредством семантических формул, толкующих такие категориальные слова, как, например, инструмент, эмоция, стихийное воздействие, сравнение и др., в определенных синтаксических конструкциях.

Соотношение синтаксиса предложения и семантики падежа стало основой классификации падежей по Е. Куриловичу. Е. Курилович предложил делить падежи на синтаксические и семантические (наречные, конкретные) [Курилович (1949) 1962]: первые маркируют синтаксическую функцию и позицию, вторые выражают семантико-синтаксические категории и предполагают тесное взаимодействие с категориальной семантикой субстантивной лексики (*в доме, в мае, в страхе; дорогой, зимой, пилот* — семантика падежной или предложно-падежной формы обусловлена семантикой субстантивной лексики, а не синтаксической позицией).

Деление на синтаксические и семантические падежи применяет Р. Мразек в своей монографии, посвященной русскому творительному падежу [Мразек 1964]. Тот же принцип деления падежных форм использует А. П. Печеный [Печеный А. П. 2012 (<http://rusgram.ru/>)], которому принадлежит статья о творительном падеже в «Русской корпусной грамматике»; при этом речь идет не о падеже целиком, а об употреблении падежных форм в составе определенных синтаксических конструкций. К синтаксическим падежным формам А. П. Печеный относит Творительный Агенса, Пациенса и Творительный предикативный. Принцип противопоставления синтаксиса и семантики переносится и на решение вопроса о роли предлога в выражении падежного значения: предлог признается «вершиной» именной группы и тем самым приравнивается к самостоятельной части речи (что не соответствует взглядам Е. Куриловича); описание семантики падежа производится без учета предлогов. Более эффективным для синтаксиса русской падежной системы представляется иное решение вопроса о предлогах: считать предлог частью единой предложно-падежной формы, и тем самым не противопоставлять лексическую семантику, морфологическую форму и синтаксическую функцию (см. [Золотова 1988]).

Некоторые классификации русских падежных форм, предложенные в конце XX — начале XXI вв., используют терминологию В. В. Виноградова, т. е. различают свободные, конструктивно-обусловленные и связанные (управляемые) падежные формы. Сопоставляя эти классификации с идеями Е. Куриловича, можно увидеть определенную симметрию: наречные (семантические) падежи квалифицируются как свободные, независимые, а синтаксические, по Куриловичу, падежные формы — как конструктивно-обусловленные. При этом термин «конструктивно-обусловленные» используется в усеченном виде и по-разному: Г. А. Золотова пишет об *обусловленных* именных синтаксемах [Золотова, 1988], а Г. И. Кустова — о *конструктивных* падежных формах.

Несмотря на определенную близость в терминологии, эти два подхода различаются. Подход Г. И. Кустовой учитывает принадлежность падежной формы уровню словосочетания или уровню конструкции, поэтому Вин. прямого объекта в словосочетании квалифицируется как управляемый, а тот же Вин. объектный в действительной конструкции как «конструктивный» (<http://rusgram.ru/>). Кроме того,

предлог рассматривается как составная часть конструкции, в результате и *в денщиках/ в денщики* — конструкция, и *служить в денщиках/ пойти в денщики* — конструкция.

Подход Г. А. Золотовой соотносит конструктивную обусловленность не с падежной формой в составе определенной синтаксической структуры, которая квалифицируется как конструкция, а с семантикой падежных форм и их предназначенностью к функционированию в качестве главных компонентов модели предложения. Обусловленными, по Г. А. Золотовой, являются субъектные (как именительного, так и косвенного падежей) и предикатные (признаковые) синтаксемы, которые образуются от глаголов, прилагательных, существительных и наречий и употребляются как предикаты (сказуемые). И здесь мы видим расхождение с теми теориями, в которых именительному падежу отказано в семантическом наполнении (Е. Курилович, Ч. Филмор). Синтаксемы именительного падежа (так же как и синтаксемы косвенных падежей) в концепции Г. А. Золотовой не свободны от семантики, их семантика является частью семантики синтаксической конструкции, в которую они входят. Принципиально важно, что семантика обусловленных синтаксем соединяет лексическую семантику существительных с семантикой синтаксической конструкции.

В отличие от предложений с номинативным подлежащим и спрягаемо-глагольным сказуемым, предложения с косвенными падежами субъекта («неканоническими подлежащими») и субстантивными некоординируемыми сказуемыми относят к фразеологизированным структурным схемам [Русская грамматика 1980, II], что означает сужение семантических вариантов и ограничение парадигматических возможностей. Трудность описания таких предложений состоит в том, что теоретический инструментарий, используемый в современном синтаксисе, разработан для глагольных предложений. Безглагольные предложения квалифицируются либо как неполные, либо как фразеологизированные, т. е. неподлежащно-сказуемые, чаще нечленимые. Но так ли это?

Попробуем ответить на этот вопрос применительно к предложениям с формой «до + Род. п.», которые Русская грамматика-80 относит к фразеологизированным структурным схемам. Таких схем в Грамматике три: *Не до сна; До шуток ли ему? Какое (ему) дело до этого?* Для третьей схемы допускаются варианты: *Что ей за дело до нас? Что мне до них?* [Русская грамматика, II 1980: 384, 392–393].

Очевидно, что исходной в этом ряду является невопросительная конструкция без слова *дело* (*Не до сна*) и что в этот ряд нужно добавить «нефразеологизированное» (по АГ-80) предложение *Мне нет дела до тебя*. Очевидно и то, что вопросительные конструкции являются вторичными, так как не являются собственно вопросительными и выражают то же модально-отрицательное значение. Задача — показать, что конструктивно-обусловленные синтаксемы «до + Род.п.» не зависят ни от какого другого члена предложения и являются предикатами неизосемических моделей с добавочным модальным значением. Интерпретация таких предложений должна соединять семантическую характеристику существительных, структурную и грамматическую характеристику синтаксической конструкции и особенности употребления этих предложений в тексте.

Первой особенностью предложений с синтаксемами «до + Род.п.» в предикате является неполнота их грамматической парадигмы.

Ср.: (1) *Он (не) интересовался / поинтересовался экспедицией => (2) Ему (не) интересна экспедиция => (3) Его (не) интересуется экспедиция => (4) Ему нет дела до экспедиции/ Какое ему дело до экспедиции?/ Что ему за дело до экспедиции? => (5) Ему сейчас не до экспедиции / До экспедиции ли ему?*

В предложении (1) речь идет о контролируемых действиях, каузированных наличием интереса (либо об отсутствии этих действий) личного субъекта. Эта структурная схема не имеет парадигматических ограничений (ни предикативно-грамматических — по категориям времени, модальности и лица; ни структурно-семантических — модальность, фазисность). См, например: *Поинтересуйся экспедицией; Лучшие интересуйся экспедицией / Пусть он поинтересуется экспедицией*. Подобные модально-волеитивные преобразования невозможны для предложений (2) — (5). В предложениях (2) и (3) есть именительный падеж, с которым согласуется сказуемое, но не субъектный, а объектный. Для предложений (2) и (3), в которых именит. падеж выражает объект интеллектуального отношения, возможны, кроме временных форм, сослагательная и желательная модальности (два синтаксических наклонения). Для предложения (5) авторы Русской грамматики-80 указывают пятичленную парадигму (§ 2587) или четырехчленную (§ 2618), а для вопросительно-отрицательных вариантов предложения типа (4) парадигму ограничивают настоящим временем (§ 2616) [Русская грамматика, II 1980: 384, 392–393].

Вторая особенность рассматриваемых конструкций связана с субъектным компонентом — его семантикой и формой, его обязательным или необязательным наличием. В Грамматике все три структурных схемы признаются полными предложениями, но обращает на себя внимание то, что в первой схеме (*Не до сна*) отсутствует Дат. пад. субъекта, хотя авторы указывают на «нормальность и высокочастотность субъектной детерминации» [Там же: 384]. Материалы НКРЯ за период с 1980 по 2018 г. свидетельствуют о том, что предложений этой структуры без субъектной синтаксемы в Дат. п. много, но они оказываются либо контекстуально-зависимыми (1), либо обобщенно-личными контекстуально-независимыми (2); см. примеры:

(1) *Он думал о том, что сделал это, и даже искал повода для гордости. И скорее всего, вся эта история и была поводом, но как-то было не до гордости. Здорово устал, да и не перед кем было, а с самим собой какой смысл (В. Ремизов. Воля вольная); Но только тут не в меру серьезно все выходило, не до фанаберии. Пришлось-таки кузнечиху позвать. (А. Крамер. О скитальцах и странниках); Карбакается из ямы вверх и тянет за собой внучку. Тут уж не до политеса. У таких людей, которые карбакаются из ямы вверх, не бывает ни совести, ни чести. (В. Токарева. Своя правда); Большинство правительств работают в аварийном режиме. Не до стратегий. Если им и не приходится самим постоянно тушить «пожары» разного рода, то необходимо все время быть начеку — вдруг что рванет. (Ф. Лукьянов. Стабильность ради выживания // «Огонек», 2015).*

(2) С таким кодексом не до калачей. На корочку хлеба бы хватило — и то ладно. (коллективный. Форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым; 2010–2011); На пустой желудок не до развлечений. (А. Коткин. Самый хищный попугай // «Новгородские ведомости», 2013.04.27). См. также пословицу *Не до жиру, быть бы живу*. По запросу «на пустой желудок» в Яндексе было получено значительное количество примеров; см. некоторые из них: *На пустой желудок — не до веселья и шуток / не до философий/ не до любви/ не до культур-мультипур/ не до разговоров / не до русалок*.

Примеры под цифрой (1) оказываются понятными только с учетом контекста. Так, в предложении *Не до фанаберии* говорится о том, что кузнецам-мужчинам пришлось умерить свое высокомерие по отношению к кузнецу-женщине, жизнь заставила их пойти на уступку. Но это понятно не из самого предложения, а из всего текстового фрагмента.

Контекстуальная зависимость предложений типа *Ему не до сна* маркируется не только отсутствием субъектной синтаксемы (*кому*), но и наличием местоименных наречий *здесь* и *тут* в анафорической функции: *В Америке меня знают пять тысяч читателей, критиков и журналистов. Книги некоммерческие, “серьёзные”, расходятся микроскопическими тиражами. Переводные — тем более. Тут уж не до славы. Спасибо, что вообще печатают.* (С. Довлатов. Переводные картинки). Субъект из определено-личного становится обобщенно-личным, но предложение от контекста не отрывается, на обязательный контекст указывает анафорическое местоименное наречие *тут*. Для превращения этого предложения в контекстуально-независимое необходим такой распространитель, который бы обозначал причину или условие ненужности, невозможности, необязательности, незначимости чего-л. для обобщенно-личного субъекта; см., например: *В бою не до славы; На пустой желудок не до подвигов и битв*.

Таким образом, следует признать, что предложения типа *Не до сна* не являются полными, что структурная схема этих предложений должна включать в свой состав обязательный Дат. падеж субъекта: *Матери не до сна*. А значит, предложение с предикатом *не до сна* нужно квалифицировать как двухкомпонентное, членимое (иную точку зрения см. в [Русская грамматика 1980, II: 384]).

Сравнивая эти конструкции (*Ему не до сна; До шуток ли ему? Какое (ему) дело до этого? Что ей за дело до нас? Что мне до них? Мне нет дела до них*), необходимо отметить их формальную общность, которая состоит в наличии двух обязательных компонентов: субъекта, выраженного Дат. п., и предиката, представленного синтаксемой «до + Род п.». Сменяемая часть включает разные средства выражения отрицания (*не, нет*), местоименные слова (*какой, что*) и делексикализованное существительное *дело*. Материал НКРЯ показывает, что предложения со словом *дело* могут передавать и неотрицательные значения:

У меня дело до них, за мной присылали. (А. Островский, П. Невежин. Блажь); — *Из Хорошилова, сударыня... У меня дело до вашей милости.* — *Что такое?* (Д. Благово. Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово); *Заявив лакею, что у него есть дело до господина Зубова,*

о котором ему уже говорено было, он велел доложить о себе. (Е. Салиас. Ширь и мах); ... и **каждому** есть дело до всего мира, как **миру** есть дело до каждого. (Ю. Айхенвальд. Достоевский); ... **каждому** есть дело до своей «славишки», до своего «хлебца», до своей «канфетки», и никому нет дела до заверченной в чаду угара больной и старой Родины. (В. Розанов. Из припоминаний и мыслей об А. С. Суворине).

В этих предложениях субъект выражается формой «у+Род.п.» и Дат.пад. без предлога. В первом случае образуется стандартная посессивная конструкция и синтаксема «до+Род.п.» обозначает адресата, что подтверждается синонимической заменой на «к+Дат.п.»: *Однако у меня дело есть к вам.* (Л. Толстой. Смерть Ивана Ильича); *Никакого дела у меня к нему не было.* (Ф. Шаляпин. Моим детям).

Во втором случае (в предложениях с Дат. п. субъекта) синтаксемы «до+Род.п.» выражают не адресата, а предмет мысли, объект внимания, т. е. синонимичны делиберативной синтаксеме «о+Предл.п.»: *каждому* есть дело до своей «славишки», до своего «хлебца» = «каждый думает о своей славе, о своем хлебце». Это значит, что делиберативное «до+Род.п.» является не присловной (управляемой), не наречной (примыкающей), а конструктивно-обусловленной синтаксемой: эта синтаксема входит в состав предиката в моделях с субъектно-модусной синтаксемой Дат. п.

Третья особенность конструкций с предикатными синтаксемами «до+Род.п.» состоит в том, что предложение выражает, помимо основного типового значения, добавочное модально-отрицательное.

Г. А. Золотова в «Синтаксическом словаре» выделяет две обусловленные синтаксемы с модально-предикативным значением: одна — в составе модели с Именит. п. субъекта и модальными словами *охотник, охоч, жаден*, вторая — в предложениях с Дат. п. [Золотова 1988: 51]. Предложения с Дат. п. квалифицируются в словаре как модальные модификации моделей с типовым значением «Субъект личный и его состояние». Дат. п. обозначает субъекта состояния, для которого какое-либо действие оказывается невозможным (*Ему не до сна, не до шуток, не до смеха, не до еды/ До сна ли ему/ До шуток ли?..*), не самым важным (*Ему не до любезностей, не до вежливости, не до приличий/ Сейчас не до речей*), неинтересным (*Великим людям не до кошек/ не до мусора* — примеры из Интернет-ресурса).

Причины такого отношения могут быть в самом субъекте (*великие люди, гении, власть/власти*) или в сложившихся обстоятельствах, в ситуации, поэтому в составе подобных предложений мы видим местоименные слова (*здесь, тут, теперь, сейчас*), которые синонимичны словосочетаниям *в такой ситуации, в таком положении, в такую минуту*; см. пример: *Назо, Рима не тревожь./Уж не помнишь сам / тех, кому ты письма шлешь. /Может, мертвецам. / По привычке. Уточни / (здесь не до обид)/ адрес. Рим ты зачеркни / и поставь: Ауд.* (И. Бродский). Анализ материала показывает, что типовое значение должно быть уточнено: содержанием предложения является не само состояние, а состояние как причина отношения (чаще отрицательного) к чему-л, т. е. невозможность чего-л. оказывается свидетельством определенного состояния субъекта, того положения дел, в котором субъект оказался.

В зависимости от семантики существительных различаются модально-событийные синтаксемы (*до шуток / не до шуток; до разговоров / не до разговоров: не до сна*), модально-делиберативные (*не до людей, не до книг, не до искусства*), модально-оценочные (*не до вежливости, не до гордости, не до справедливости*). Интерес представляют те тематические сферы, к которым относятся существительные, образующие синтаксемы «до + Род.п.» с модально-оценочным значением. Семантику этих существительных можно интерпретировать с помощью слов «излишество», «несущественное», «неосновное» — то, от чего можно отказаться. Материал показывает, что мы отказываемся (1) от деталей (*не до тонкостей, подробностей, нюансов, мелочей, изысков, пустяков*); (2) от этикета (*не до вежливости, любезности, деликатности, дипломатии, приличий, манер, политеса, благородства, скромности, галантности, церемоний, цирлихов-манирлихов*); (3) от проявлений превосходства (*не до фанаберии, не до брезгливости, престижа, утонченности, щепетильности, самолюбия, гонора, чистоплюйства, позерства*); (4) от проявлений тонких и нежных чувств между мужчиной и женщиной (*не до любви, романтики, поэзии, лирики, поцелуев, нежностей, ухаживаний*).

Предложения с делексикализированным словом *дело* добавляют сему контроля. Семантическая разница между предложениями *Ему не до приличий* и *Ему нет дела до приличий* не в основном типовом значении, а в субъектной перспективе этих конструкций. Конструкции типа *Ему не до тебя / сна / еды / не до приличий* характеризуются **инволюнтностью** субъекта и, следовательно, отсутствием его контроля над ситуацией. Предложения типа *Ему нет дела до тебя / до твоих проблем / до приличий* выражают осознанный выбор, осознанное исключения кого-л. или чего-л. из сферы своих личных интересов. Если в первой конструкции Дат. п. обозначает субъекта состояния, то во второй — Дат. субъекта соединяет диктальную и модусную семантику. *Ему не до тебя* = он занят и не может, не умеет возможности уделить тебе внимание. *Ему нет дела до тебя* = ты и твои проблемы ему не интересны. Предложения второго типа более категоричны.

Кроме того, предложения *Ему не до сна, не до развлечения* характеризуются односубъектностью: и состояние, и невыполнимое действие относятся к одному и тому же субъекту (Он так волнуется, что не может заснуть; У него столько дел, что он не может развлекаться). *Ему не до сплетен* означает, что он занят делом и не сплетничает; *Ему нет дела до сплетен, разговоров* — он не интересуется тем, что говорят другие.

Четвертая особенность относится, в первую очередь, к предложениям типа *Мне не до сна*, которые требуют контекстуальной поддержки, т. е. оказываются контекстуально зависимыми; например: — *Пусти, хозяин, веселых людей — скорморохов!* — *Скоморохи, здесь не до веселья!* *У нас сын потерялся!* (Б. Шергин. Дивный гудочек). Тезис *Не до веселья* предполагает наличие обоснования. См. еще примеры: *Тут уже было не до разговоров* — *мерный несмолкаемый гул плотно закупоривал уши*. (Д. Емец. Таня Гроттер и магический контрабас); *Большинству страховщиков сейчас не до привлечения новых клиентов* — *первоочередной задачей стало сокращение издержек*. (Е. Обухова. Год сжатия // «Эксперт»,

2015). В сложном предложении первая часть требует обоснования, которым оказывается вторая часть бессоюзного сложного предложения. Такое сложное предложение соответствует структуре и семантике пословицы *Не до жиру, быть бы живу*. В обосновании появляется тот фактор, который оказывается более важным в данный момент, который вынуждает субъекта отказаться об более выгодного и привлекательного с общепринятой точки зрения: ...*двугривенный!* — *Иона дергает возжсами и чмокает. Двугривенный цена не сходная, но ему не до цены... Что рубль, что пятак — для него теперь всё равно, были бы только седоки...* (А. Чехов. Госка).

Невозможность естественного состояния также требует обоснования: *Ночь грозила ненастьем. Константину Ионычу было не до сна и не до покоя. Где теперь его мальчик? Где будет крыться бедное дитя, если к полуночи хлынет студёный ливень, разразится гроза и заблещут змеями трескучие молоньи?* (Н. Лесков. Чающие движения воды) — обоснованием становится несобственно-прямая речь.

Таким образом, синтаксемы «до+Род.», образованные как от абстрактных (событийных, признаковых, пропозитивных), так и от конкретных существительных, реализуют свою модально-отрицательную семантику в составе конструкций с модально-отрицательным значением. Форма косвенного падежа является не маркером зависимости, но средством организации обязательного компонента предикативной синтаксической конструкции. Сравнительный анализ близких по структуре и семантике предложений позволяет выявить семантические признаки, указывающие на связь семантики синтаксемы с уровнем предложения: модальность, наличие/отсутствие контроля, моно-/полисубъектность, степень категоричности высказывания.

Литература

Вежбицкая А. Дело о поверхностном падеже. Пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. XV, М. : Прогресс, 1985. С. 303–341.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. Пер. с англ., отв. ред. М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е. В. Падучевой. М. : Русские словари, 1996. 416 с.

Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // В. В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М. : Наука, 1977. С. 162–189.

Золотова Г. А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М. : Наука, 1988. 440 с.

Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М. : ИРЯ РАН, 2004. 541 с.

Курилович Е. Проблема классификации падежей // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М.: Изд. иностр. лит. , 1962. С. 175–203.

Кустова Г. И. Падеж (<http://rusgram.ru/>). М., 2011.

Лингвистика конструкций (под. ред. Е. В. Рахилиной). М. : Азбуковник, 2010. 583 с.

Мразек Р. Синтаксис русского творительного (Структурно-семантическое исследование). Praha : Academia, 1964. 285 с.

Печеньй А. П. Творительный падеж (<http://rusgram.ru/>). М., 2012.

Русская грамматика. Т. II. М.: Наука, 1980. 710 с.

Филлмор Ч. Дело о падеже. Пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. X. М. : Прогресс, 1981. С. 369–495.

Чудаков А. П. Семь свойств научного метода Виноградова // Филологический сборник. (К 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова). М. : ИРЯ РАН, 1995. С. 9–15.

Шмелев Д. Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М. : Наука, 1976. 152 с.

Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. Изд. 3-е. М. : Изд-во ЛКИ. 2008. 280 с.

N. K. Onipenko

V. V. Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)

(Russia, Moscow)

onipenko_n@mail.ru

ABOUT THE GROUNDS FOR THE CLASSIFICATION OF SYNTACTIC UNITS

The article deals with the types of constructive conditionality of syntactic units, compares different approaches to the problem of the relation between the linguistic unit and the context. Constructive conditionality is understood as the result of interaction of form (structure), semantics and syntactic function. Conditional syntaxes are those whose semantics depends on their syntactic function. Unlike syntactic case marking of syntactic functions independently of the semantics of the noun and the semantics of the sentences, due to syntaxeme implement its semantics in the composition of models with a certain standard value. The form of the indirect case is interpreted not as a dependency marker, but as a means of organizing the obligatory component of the predicative syntactic construction. The article discusses the substantive syntaxeme “do+Genus. p.” modal-event (*do shutok / ne do shutok; do razgovorov / ne do razgovorov: ne do sna*), modal-deliberative (*ne do lyudej, ne do knig, ne do iskusstva*), modal-evaluative (*ne do vezhливosti, ne do gordosti, ne do spravedливosti*) values and syntactic constructions, the components of which are syntaxes “do+Genus.p.” Offers a comparative analysis of similar structure and semantics of the sentences, identifies the semantic features indicate the relationship of the semantics of syntaxeme with the level of the sentence: modality, negation, presence/absence of the control, mono/polysubject, the degree of categorical statements.

Keywords: Russian language, functional syntax, communicative grammar, function, syntactic position, classification of syntactic units.

References

Wierzbicka Anna. [The case of the surface case. Transl. from English] // *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics]. XV, Moscow: Progress Publ., 1985. Pp. 303–341. (In Russ.)

Wierzbicka Anna. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Knowledge. Transl. from English]. Moscow. Russkie slovari Publ., 1996. 416 p.

Vinogradov V. V. *Osnovnye tipy leksicheskikh znachenii slova* [Main types of the word's meanings] // V. V. Vinogradov. *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya*. [Selected works on lexicography and lexicology] Moscow. Nauka Publ., 1977. Pp. 162–189.

Zolotova G. A. *Sintaksicheskii slovar': repertuar elementarnykh edinits russkogo sintaksisa* [Syntactic dictionary: repertoire of elementary units of Russian syntax]. Moscow. Nauka Publ., 1988. 440 p.

Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow. RLI RAS, 2004. 541 p.

Kurilovich E. [The problem of classification of cases] // Kurilovich E. *Ocherki po lingvistike* [Essays on linguistics]. Moscow. Inostrannaya literatura Publ., 1962. P. 175–203. (In Russ.)

Kustova G. I. *Padezh* [Case] (<http://rusgram.ru/>). Moscow, 2011.

Lingvistika konstruksii, pod. red. E. V. Rakhilinoi [Linguistics of constructions, E. V. Rakhilina ed.]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2010. 583 p.

Mrazek R. [Russian syntax of ablative (Structural and semantic research)] *Sintaksis russkogo tvoritel'nogo (Strukturno-semanticheskoe issledovanie)*. Praha: Academia Publ., 1964. 285 p.

Pechenyi A. P. *Ablativ* [Ablative] (<http://rusgram.ru/>). Moscow, 2012.

Russkaya grammatika [Russian grammar]. Vol. II, Moscow. Nauka Publ, 1980. 710 p.

Fillmore C. [Case of the case. Transl. from English] // *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics]. X, M.: Progress, 1981. P. 369–495.

Chudakov A. P. [Seven properties of the scientific method of Vinogradov] // *Filologicheskij sbornik (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika V. V. Vinogradova)*. [Philological collection (to the 100th anniversary of the academician V. V. Vinogradov)]. Moscow, IRYA RAN, 1995. S. 9–15. (In Russ.)

Shmelev D. N. *Sintaksicheskaya chlenimost' vyskazyvaniya v sovremennom russkom yazyke* [Syntactic articulability of a statement in the modern Russian language]. Moscow. Nauka Publ., 1976. 152 p.

Shmelev D. N. *Problemy semanticheskogo analiza leksiki* [Problems of semantic analysis of vocabulary]. Ed. 3. Moscow, LKI Publ. 2008, 280 p.